
Л. А. КАРНАЦКАЯ

АКОП НАЗАРЕТЯН – ГРАНИ ЛИЧНОСТИ

Мне посчастливилось вырасти как исследователю и как человеку в атмосфере научного поиска Акопа Назаретяна. Акоп был единственным в моем окружении, с кем я не ощущала напряженности. Он был просто человеком, сидящим рядом. Конечно, я знала, что он великий человек в науке, но для меня он был просто Акопом, и рядом с ним я была просто собой. И я благодарна ему за это его умение быть рядом, просто быть. Говорить об умных и сложных научных вещах понятно и одновременно мудро.

В последние два года его жизни мы в основном общались по телефону, непринужденно, как два старых друга. Говорили о его самочувствии, об общих знакомых, о Мегаистории. Я задавала ему вопрос, который интересовал меня, а он легко и просто отвечал, все больше и больше углубляясь в ту или иную тему. Общаясь с Назаретяном, я всегда чувствовала, что открываю для себя каждый раз что-то новое, неизведанное. Мне посчастливилось слушать и слышать в одном лице энциклопедиста, глубокого, подлинного философа и психолога современности по телефону, за кружкой чая, в самолетах, в пустынях Казахстана, куда нам приходилось часто ездить по зову казахстанских ситуаций, и просто в вечерних прогулках после напряженной работы. Он работал везде и всегда. И его работа была его жизнью. Он не любил путешествовать, что-то смотреть, изучать достопримечательности. Для него было важно в других странах именно работать. Однажды мы были с ним в Италии на открытии гуманистического парка в Атиглиано по приглашению Гуманистического Интернационала. Торжественное открытие, где он выступил со своей речью, закончилось. Я с радостью воскликнула: «Ура, едем смотреть Рим!» «Неинтересно, – ответил Акоп, – интересно работать!» И все же мы бродили по Риму. И несколько часов подряд, шагая по городу, Акоп не переставая читал стихи. Я всегда поражалась его удивительной, безграничной памяти в любой области человеческого знания: в литературе, физике, истории, психологии, философии...

Звучащий Назаретян – это удивительное явление: тема беседы о будущем цивилизации рассыпается на мелкие бусинки-состав-

ляющие, о каждой говорится как в первый раз, хотя ты уже это слышал, но каждый раз со вкусом, с вдохновением, от сердца, связываясь в нечто новое, всеобъемлющее, ведущее слушателя к всестороннему, системному пониманию проблемы. Его дышащая энтузиазмом страсть к науке не давала ему удовлетворяться формальными ответами, его живая речь всегда легко и красиво бежала. Энтузиазм подхватывал Акопа в его говорении, боясь не успеть, он начинал торопиться и что-то бегло проговаривал, как будто это уже давно всем известно. Он торопился... ему надо было успеть всех пробудить, и не только через книги, но и в диалоге с отдельно взятым человеком. Ему неважно было, кто перед ним: ученый или просто рабочий, нефтяник, студент. Слушая Акопа в разных ситуациях, я невольно вспоминала слова Николая Рериха: «Я видел святого, преклонившего колени перед алтарем, и пьяного, валяющегося в канаве, но я не нашел между ними различия. Я понял, что каждый стремится, как он может, выразить Единую жизнь. Я не стану выделять или разделять... ибо я знаю – человек в своей сути един во всех». Так же и для Назаретяна – каждый человек был един во всех, был значим. И мне казалось, что люди это чувствовали и были благодарны ему за его слышание и видение каждого.

Последнее время он много говорил о смерти. Но мне не верилось. Он не боялся ее, просто хотел «если смерти, то мгновенной». Ах, если бы верилось, может, тогда я встречалась бы с ним чаще, записывала бы его научные монологи, где включались озарения замечательного ученого, которые случались в ходе его размышлений.

Для меня он был настоящим другом и в беде, и в бою 13 лет. Мы называли друг друга боевыми друзьями. На него можно было положиться в трудную минуту, зная, что поддержка будет, и она была. Однажды в трудной для меня жизненной ситуации он сказал: «Я за тебя боюсь». И я знала, что действительно боится.

Он был разным. Грандиозный мыслитель и одновременно «обычный» человек. Он любил свою дочь, друзей, любил собирать их у себя дома, петь на испанском языке и вспоминать свое «партизанское» прошлое в далекой Южной Америке. Был всегда молод и заразителен, открыт, доверчив и бесстрашен. И одновременно удивлял своей нездешней, какой-то неземной возможностью пророческих знаний и сил без вычурной позы «мыслителя», рядом с которым любая встреча превращалась в интеллектуальный праздник. Как много мы узнали от него и сколь многому научились!